

IV. ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Информация для цитирования:

Ерпылева Н. Ю., Касаткина А. С. Признание наследственных трастов в странах континентальной системы права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 33. С. 337–347. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-337-347.

Erpyleva N. Yu., Kasatkina A. S. Priznanie nasledstvennykh trastov v stranakh kontinental'noy sistemy prava [Recognition of Hereditary Trusts in Countries of the Continental System of Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 33. Pp. 337–347. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-337-347.

УДК 341.9

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-337-347

ПРИЗНАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ТРАСТОВ В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

Н. Ю. Ерпылева

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой международного публичного и частного права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0002-3103-6917
ResearcherID: L-7370-2015
e-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

А. С. Касаткина

Кандидат юридических наук, доцент,
зам. зав. кафедрой международного публичного и частного права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0003-4215-2419
ResearcherID: K-4848-2015
e-mail: akasatkina@hse.ru

Введение: статья посвящена анализу опыта признания наследственных трастов в странах континентальной системы права. Вопросы управления собственностью и ее передачи наследникам всегда были актуальными как для теории, так и на практике. В современном обществе, характеризующемся большим разнообразием экономических отношений, несложно представить ситуацию, при которой институты, предусмотренные одной правовой системой, не идеальны с принятым в другой и в то же время используются ее субъектами. Такая ситуация складывается и в отношении англо-американского траста, который приобретает все большую популярность в странах континентальной правовой системы. **Цель:** проанализировать использование траста как механизма передачи активов по наследству, рассмотреть подходы ряда стран континентальной системы права к признанию наследственных трастов и их правовых эффектов, а также исследовать практику по учреждению трастов. **Методы:** общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные юридико-отраслевые методы, в том числе исторический и сравнительно-правовой. **Результаты:** как институт общего права, траст может использоваться субъектами континентальной системы права для различных целей, в том числе для

распоряжения наследственным имуществом. **Выводы:** до принятия Гаагской конвенции о трастах суды стран континентальной правовой системы старались ассимилировать данный институт с известными правовыми конструкциями, в основном с договором. После вступления в силу Гаагской конвенции о трастах число ее участников постепенно расширялось и судам стран – участниц Конвенции больше не было необходимости искать во внутреннем праве аналоги института траста. Благодаря гибкости и преимуществам, которыми обладает институт траста, потребность в его дальнейшем использовании как субъектами стран континентальной правовой системы, так и применительно к имуществу, находящемуся в данных странах, не вызывает сомнений. Стоит надеяться, что российский законодатель не останется в стороне от тенденции признания института траста и дополнит международное частное право Российской Федерации нормами, которые бы урегулировали статус и правовые эффекты данного института общего права.

Ключевые слова: траст; бенефициар; учредитель траста; признание траста; континентальная система права; международные договоры; национальное законодательство; судебная практика; применимое право; коллизионные нормы

RECOGNITION OF HEREDITARY TRUSTS IN COUNTRIES OF THE CONTINENTAL SYSTEM OF LAW

N. Yu. Erpyleva

Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia
ORCID: 0000-0002-3103-6917
ResearcherID: L-7370-2015
e-mail: natasha.erpyleva@rambler.ru

A. S. Kasatkina

Higher School of Economics
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia
ORCID: 0000-0003-4215-2419
ResearcherID: K-4848-2015
e-mail: akasatkina@hse.ru

Introduction: the article is devoted to the analysis of the experience of recognition of hereditary trusts in countries of the continental system of law. The issue of property management and its transfer to heirs has always been topical both in theory and practice. In the modern society, characterized by growing complexity of economic relations, it is easy to imagine a situation in which institutions existing in one legal system do not coincide with those adopted in another legal system and at the same time are used by its subjects. This phenomenon characterizes the Anglo-American trust, which is becoming increasingly popular in countries with the continental system of law. **Purpose:** to analyze the use of trust as a mechanism of transfer of assets by inheritance, to consider the approaches of a number of countries belonging to the continental system of law to the recognition of hereditary trusts and their legal effects and also to explore the practice of establishing trusts. **Methods:** general scientific methods of analysis and synthesis, as well as methods specific to legal science, including historical and comparative methods, are used. **Results:** being an institute of the common law system, trust can be used by subjects of the continental system of law for different purposes, including the disposition of inheritance estate. **Conclusions:** prior to adoption of the Hague Convention on Trusts, courts of the continental law countries had tried to assimilate this institution with well-known legal structures, mainly, the contract. After the Hague Convention on Trusts came into force, the number of participants gradually increased, and courts of the member states of the Convention no longer needed to look for analogues of trusts in their domestic law. Due to the flexibility and advantages of the institution of trust, there is no doubt that its further use either by subjects of countries belonging to the continental system of law or in regard to property in these countries is in demand. Hopefully,

the Russian legislator will not remain apart from the trends of the trust recognition and will adjust the private international law of the Russian Federation by rules which would regulate the status and legal effects of the trust as an institution of the common law system.

Keywords: trust; trustee; beneficiary; settler; recognition of trust; continental system of law; international treaties; national legislation; judicial practice; applicable law; conflict rules

Введение

Многообразие целей использования траста, а также его гибкость в регулировании наследственных вопросов, обусловили распространение данного инструмента по всему миру. В результате суды континентальной системы права столкнулись с вопросами, возникающими в сфере признания и регулирования трастов. Проблема, которая возникает в связи с признанием наследственных трастов в странах континентальной правовой системы, прежде всего связана с проблемой соотношения права, применимого к трасту, и права, применимого к отношениям наследования по закону и завещанию. Статут наследования определяет, может ли институт траста быть использован для организации наследования наряду с правовыми инструментами, предусмотренными для распоряжения имуществом на случай смерти. Если траст учрежден в форме завещания, как это позволяет, например, английское право, то формальная и материальная действительность траста определяются наследственным статутом. Таким образом, статут наследования определяет право наследодателя по распоряжению имуществом на случай смерти, предусматривая при этом возможные правовые инструменты, и в некоторых случаях ограничивает свободу наследодателя путем установления долей обязательных наследников. Однако сам институт траста как длящееся правоотношение между трасти и бенефициарами в отношении какого-либо имущества не является наследственным институтом и не регулируется наследственным статутом. В частности, такие правоотношения включают в себя администрирование траста, обязанности трасти, права бенефициаров в рамках действительного траста, права третьих лиц, которые не различаются в целом в зависимости от того, учрежден траст *inter vivos* или на случай смерти. Если траст является формально и материально действительным, то правоотношения, возникающие в этой связи, больше не регулируются наследственным статутом, но определяются согласно статуту траста, устанавливаемому на основании специальных коллизионных норм *lex fori*. Из этого следует, что не исключена ситуация, когда статут траста и статут наследования выступают как разные правопорядки. В настоящей статье авторы предлагают остановиться подробнее на вопросе опыта признания наслед-

ственных трастов в странах континентальной системы права, обращаясь к практике таких стран, как Франция, Швейцария, Англия, Италия и Россия.

Эволюция подходов к определению правового режима и правовых эффектов наследственных трастов

Признание института траста в странах континентальной системы права имело место не сразу и прошло свой путь развития. Примерно с XIX века французские суды стали рассматривать иски, касающиеся отношений, связанных с трастом. Изначально, как правило, суды признавали действительность трастов, при этом не давая им юридической квалификации. Суды признавали существование траста, если это было доказано одной из сторон, в соответствии с нормами иностранного права. В некоторых решениях французские суды рассматривали траст как институт наследственного права, в других траст анализировался с точки зрения вещных прав на переданное в траст имущество. Однако в нескольких, ставших хрестоматийными, решениях траст рассматривался как договорная конструкция.

Так, Апелляционный суд Парижа 10 января 1970 г. вынес решение, ставшее впоследствии известным как дело Ганэй (*L'affaire de Ganay*) [8, p. 128]. В соответствии с фактическими обстоятельствами дела мадам де Ганэй учредила отзывный траст в консульстве США в Париже. Согласно условиям траста она передала трасти в США движимое имущество, находящееся в Америке, стоимостью порядка 1 млн долларов США. Трасти принимал на себя обязанность осуществлять выплаты учредителю траста на протяжении всей ее жизни, а после смерти распределить оставшееся имущество между членами ее семьи, указанными в качестве бенефициаров траста. После учреждения траста мадам Ганэй составила завещание, в котором отозвала все сделанные ранее распоряжения в отношении ее имущества. Таким образом, французский суд должен был решить следующие вопросы: действителен ли учрежденный мадам Ганэй траст; отозван ли данный траст ее последующим завещательным распоряжением.

В решении Апелляционного суда Парижа созданный траст был квалифицирован как договорная конструкция. В связи с тем, что такое до-

говорное отношение было осложнено иностранным элементом, суд применил принцип автономии воли сторон в отношении установления применимого к договору права. В результате применимым было признано право США, так как декларация об учреждении траста была составлена на английском языке в присутствии консула США. Таким образом, созданный траст был признан действительным и должен был «породить те последствия, на которые рассчитывали стороны в рамках автономии воли». Суд указал, что если права бенефициаров траста причиняют ущерб правам обязательных наследников, признание траста может быть поставлено под вопрос французскими наследственным правом, нормы об обязательной доли в наследстве которого составляют публичный порядок. В рассматриваемом деле таких лиц не оказалось, поэтому траст был признан соответствующим публичному порядку Франции. В отношении второго вопроса суд установил, что договорная природа траста не позволяет приравнять его к завещательным распоряжениям, вследствие чего составленное позже завещание не может отменить траст. Квалификация траста как договорной конструкции вызвала критику в научной среде. Подчеркивалось, что ассимиляция траста и договора лишает первого своей юридической сущности, так как происходит смешение правового института и основания, из которого он происходит.

Обратимся к решению Кассационного суда Франции от 20 февраля 1996 г.¹ Согласно фактическим обстоятельствам дела мадам Зисенис учредила отзывный траст, регулируемый американским правом, и назначила себя его бенефициаром. Два ее сына, Кристиан и Шарль, а также их дети были назначены бенефициарами траста после ее смерти. Спустя несколько лет ее сын Кристиан умирает, а мадам Зисенис, используя свои полномочия, изменяет условия траста и исключает дочерей Кристиана из списка бенефициаров траста. Затем она дарит принадлежащие ей предметы искусства своему сыну Шарлю и позднее путем завещания назначает его наследником не переданного в траст свободного имущества. В результате Шарль получает предметы искусства во время жизни матери, становится бенефициаром траста *inter vivos*, а также наследником оставшегося имущества матери [9, pp. 163–164]. Так как применимым к наследованию правом (наследственным статутом) было французское право, то вступали в действие нормы о наследовании и об обязательной доли в наследстве: 1/3 на каждого из 2 детей и 1/3 в качестве доли, которой можно свободно распорядиться. Шарль

же получил 2/3 имущества, что превысило его обязательную долю в наследстве (1/3) и ущемило права оставшихся наследников. Таким образом, наследуемое имущество подлежало уменьшению в пользу детей умершего сына мадам Зисенис Кристиана.

Возникает закономерный вопрос: в какой последовательности необходимо уменьшать имущество, предназначенное для Шарля? Имел место траст *inter vivos*, которым он был назначен бенефициаром после смерти учредительницы – его матери, дарение предметов искусства и завещательное распоряжение, в котором он был назначен наследником оставшегося имущества. Статья 926 Французского гражданского кодекса (далее – ФГК)² устанавливает, что размер дарения, имевшего место во время жизни наследодателя, подлежит сокращению после уменьшения размера имущества, распределенного завещательным распоряжением. Если же необходимо сократить дарение, осуществленное при жизни, то оно совершается от последнего акта дарения к первому.

Кассационному суду предстояло определить, как квалифицировать траст *inter vivos*, бенефициаром в случае смерти учредителя которого назначался сын учредителя. Такой траст был квалифицирован судом в качестве *договора непрямого дарения*, который вступает в силу после смерти дарителя (учредителя траста мадам Зисенис). Таким образом, по мнению суда, траст (хотя и *inter vivos* по американскому праву, которым он регулировался) вступал в силу с момента смерти его учредителя. В результате уменьшение имущества, составляющего трастовый фонд, должно было иметь место после уменьшения размера имущества, передаваемого по завещательному распоряжению, но до дарения предметов изобразительного искусства, так как они имели место раньше вступления в силу траста (а сокращение имущества, как мы упоминали ранее, осуществляется от более позднего дарения к раннему). Размер даримого имущества, по мнению суда, должен быть уменьшен в интересах лиц, обладающих правом на обязательную долю в наследстве.

Как видно, изначально французская судебная практика шла по пути переквалификации института траста в собственные правовые конструкции, в силу чего как самостоятельный специфический институт общего права, влекущий за собой расщепление права собственности, траст квалифицирован не был. Примерно по такому же пути шло развитие швейцарской су-

¹ *Aff. Zieseniss*, Cour de Cassation, Chambre civile 1, du 20 février 1996.

² Французский гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 сент. 2011 г.). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.

дебной практики в отношении трастов. До вступления в силу закона Швейцарии «О международном частном праве» (далее – Закон о МЧП Швейцарии)¹ Федеральный трибунал Швейцарии квалифицировал траст как договор. В 1936 г. траст был определен как правовое отношение, аналогичное договору поручения [1, с. 52]. В последующих решениях траст рассматривался как сочетание договора поручения, передачи имущества в доверительное управление, дарения и договора в пользу третьего лица в той форме, в которой эти институты известны швейцарскому праву. Швейцарский суд стремился сохранить действительность траста, не рассматривая при этом его сущность, так как факт расщепления собственности на юридическую и бенефициарную мог быть признан противоречащим публичному порядку. Суд стремился ассимилировать траст в известные швейцарскому праву конструкции.

Что касается признания завещательных трастов и их эффектов по отношению к обязательным долям в наследовании в Швейцарии, то, как отмечают исследователи [1, с. 55], в случае если посредством учреждения завещательного траста нанесен ущерб наследникам, имеющим право на обязательную долю в наследстве, они вправе в судебном порядке требовать уменьшения размера имущества, переданного в трастовый фонд. Наследодатель вправе распорядиться только тем имуществом, которое находится в его свободном распоряжении, т. е. не входит в часть, причитающуюся наследникам в качестве обязательной наследственной доли. У наследников, лишенных наследства, также остается возможность оспорить действительность завещательного траста, особенно в отношении недвижимого имущества, находящегося на территории Швейцарии. Это связано с тем, что назначение иностранца трасти может породить сложности, ведь он как лицо, имеющее титул на собственность, должен фигурировать в земельном реестре, а для этого необходимо разрешение уполномоченного органа соответствующего кантона.

В Швейцарии Закон о МЧП в ст. 86 устанавливает общий принцип, согласно которому правом, применимым к отношениям наследования по закону, является последнее место жительства лица. Исключение составляет наследование недвижимого имущества, которое определяется правом *lex fori*. Статут наследования регулирует, в том числе, вопросы: вид имущества, включаемого в наследственную массу; круг наследников и размер их доли; круг лиц,

ответственных за долги наследодателя; виды правовых инструменты, которые могут быть использованы для распоряжения наследством. Таким образом, статут наследования определяет, может ли траст быть использован для распоряжения имуществом, входящим в наследственную массу. Если применимым к отношениям наследования окажется швейцарское право, внутренние нормы которого не знакомы с институтом траста и траст не входит в *numerus clausus* способов передачи имущества, в том числе по случаю смерти (право Швейцарии предусматривает только завещание, наследственный договор и наследственный фонд), то швейцарское право будет оценивать действительность учрежденного траста и распоряжение имуществом в соответствии со своими материальными нормами. В таком случае распоряжение наследственным имуществом на случай смерти с помощью траста будет признано недействительным.

Как отмечается в зарубежной литературе, «преобразование такого недействительного распоряжения в институт, знакомый швейцарскому праву, представляется сложной задачей» [10, р. 42]. Это связано с тем, что швейцарское право не допускает возможности назначения третьего лица для определения бенефициаров и их долей на случай смерти наследодателя. Таким образом, создание дискреционного траста в данной ситуации недействительно по своей природе. Если же предусмотрено создание фиксированного траста на случай смерти, то отдельные положения могут быть адаптированы в институты швейцарского права. Стоит иметь в виду, что форма завещания должна соответствовать статуту формы завещательного распоряжения, которая определяется на основании положений Гаагской конвенции о коллизии законов, касающихся завещательных распоряжений 1961 г.² (далее – Гаагская конвенция 1961 г.) (ст. 93 Закона о МЧП Швейцарии).

Если учрежденный траст будет признан действительным, в соответствии с наследственным статутом, возможно применение указания о публичном порядке и свехимперативных норм швейцарского права, согласно которым обязательные наследники имеют право на предъявление иска о снижении размера имущества, которым распорядился наследодатель, и о возвращении части имущества в наследственную массу (ст. 522 Гражданского кодекса Швейцарии³ (далее – ГК Швейцарии)). Если наследственным статутом является английское право, то возмож-

¹ О международном частном праве: Закон Швейцарии от 18 июля 1987 г. (по состоянию от 1 янв. 2011 г.). URL: www.wipo.int (дата обращения: 28.03.2016).

² Гаагская конвенция о коллизии законов, касающихся завещательных распоряжений от 5 окт. 1961 г. URL: <http://www.lawrussia.ru/index.htm> (дата обращения: 28.03.2016).

³ Гражданский кодекс Швейцарии от 10 дек. 1907 г. (ред. от 15.04.2015). URL: <http://www.worldbiz.ru/> (дата обращения: 28.03.2016).

но использование института траста в качестве инструмента по распоряжению имуществом на случай смерти. Формальная и материальная действительность траста в такой ситуации будет определяться требованиями, предъявляемыми английским правом. Формальная действительность самого завещания будет определяться на основании Гаагской конвенции 1961 г., которую Великобритания ратифицировала в 1963 г.

Статья 1 Гаагской конвенции 1961 г. устанавливает перечень коллизионных привязок, которые определяют, в каких случаях завещательное распоряжение является действительным по форме. К числу таких привязок относятся, в частности: право места совершения завещания; гражданство, которое имеет завещатель либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти; место, в котором завещатель имел свой домициль, либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти; если речь идет о недвижимости – место ее нахождения и некоторые другие. Если форма завещания регулируется английским правом, то, согласно Закону о завещаниях (Wills Act) 1958 г. № 6416/1958, завещание должно быть совершено в письменной форме, подписано завещателем или другим лицом в его присутствии или по его указанию, подпись должна находиться в конце завещания и быть заверена двумя или более свидетелями.

В исключительных случаях суд справедливости может отойти от формальных требований и признать траст, чьи условия не были указаны в завещании (секретные трасты (*secret trusts*), и полусекретные трасты (*semi-secret trusts*)). Если завещательный траст признан действительным согласно английскому праву, применимому к наследственным отношениям, в некоторых правовых порядках континентальной правовой системы возможно применение сверхимперативных норм и оговорки о публичном порядке *lex fori* для защиты интересов обязательных наследников, обладающих правом на долю в наследстве, которой наследодатель не может свободно распорядиться (например, во Франции, где существует решение Кассационного суда Франции по делу Ганэй (*L'affaire de Ganay*) от 10 янв. 1970 г.). Сами же правоотношения, связанные с администрированием и функционированием траста, при соблюдении условий, предъявляемых к его действительности, будут регулироваться статутом траста, определяемым в соответствии с положениями Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и их признании 1985 года¹

(далее – Конвенция о трастах), ратифицированной Великобританией в 1987 г. Правопорядок, регулирующий наследственные отношения, и правопорядок, регулирующий траст, могут не совпадать, так как учредитель траста может и не подчинять сам завещательный траст английскому праву.

В отличие от Швейцарии и Англии российские материальные и коллизионные нормы не знакомы с институтом траста. Россия не подписала и не ратифицировала Конвенцию о трастах, не существует на настоящий момент и внутренних коллизионных норм, которые бы регулировали данный институт. Вопрос о признании иностранного траста в России также не рассматривался ни Высшим Арбитражным судом РФ, ни Верховным судом РФ, поэтому на настоящий момент не существует никакого представления о том, как российская судебная практика могла бы разрешить спор, связанный с трастом. Поскольку все чаще российские предприниматели ищут наиболее эффективные пути передачи активов своим наследникам и выбирают траст как альтернативный способ организации наследования, не исключены ситуации, при которых передача имущества в траст может вступить в конфликт с российскими нормами об обязательной доле в наследстве. Если такой конфликт возникнет, то интересно было бы порассуждать, как может его разрешить суд в России. Проанализируем, по какому пути могла бы пойти практика, разрешая спор, связанный с признанием траста *inter vivos*, затем рассмотрим вопросы, возникающие с признанием траста, созданного на случай смерти.

В соответствии с п. 2 ст. 1187 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)², при определении юридической природы траста *inter vivos* российский суд может обращаться к нормам иностранного права. В связи с тем, что не существует единого определения траста даже в странах общей системы права, можно предположительно можно воспользоваться компромиссным вариантом понятия, данного в ст. 2 Конвенции о трастах. Возникает вопрос: может ли быть признано в России такое юридическое отношение, в соответствии с которым учредитель траста передает свой правовой титул на определенное имущество и само имущество доверительному управляющему, чтобы последний владел им в интересах бенефициаров? Согласно ст. 1186 ГК РФ, применение норм иностранного права в России возможно, если на это указывает международный договор

¹ *Convention of 1 July 1985 on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition // Treaty Series. N. Y.: United Nations, 2000. Vol. 1664. Pp. 311–335.*

² *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федер. закон РФ от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 09.03.2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49, ст. 4552.*

РФ, закон РФ или обычай, признаваемый в РФ. Однако, в соответствии со ст. 1192 и 1193 ГК РФ, применение иностранного права не должно затрагивать нормы непосредственного применения (императивные нормы), а также противоречить публичному порядку РФ.

Представим ситуацию, при которой российским гражданином учреждается траст на Джерси, доверительный управляющий также находится на Джерси, имущество, передаваемое в трастовый фонд, включает в себя как акции различных иностранных, так и российских компаний, при этом бенефициаром назначается только один ребенок учредителя траста. Данное правоотношение, безусловно, осложнено иностранным элементом. Россия не участвует в Конвенции о трастах, поэтому иностранное право не может быть применено на основании международного договора. Ни ГК РФ, ни другие законы также не содержат коллизионных норм для определения права, применимого к трастам. По мнению некоторых ученых, в таком случае правоотношение должно регулироваться правом, с которым оно наиболее тесно связано [р, с. 199].

Таким правом должно стать право, указанное в акте об учреждении траста, хотя оно не всегда может являться надлежащим (выбранное право может также не знать института траста). Существует и иной подход, в соответствии с которым право, применимое к трастам, должно определяться в соответствии со ст. 1203 ГК РФ, устанавливающей личный закон организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву. Таким законом является право страны, в которой данная организация учреждена [2, с. 41]. Таким образом, вопрос о том, какую коллизионную привязку применить к иностранному трасту *inter vivos*, будет определяться судьей при рассмотрении конкретного дела.

Как отмечается в литературе, вопрос о том, могут ли российские лица учреждать трасты *inter vivos*, требует прояснения ряда вопросов. Во-первых, необходимо определить, обладают ли российские физические и юридические лица правоспособностью учреждать и становиться бенефициарами иностранных трастов. В соответствии со ст. 18 ГК РФ, граждане вправе совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах, иметь иные имущественные и личные неимущественные права. Как следствие, содержание правоспособности предоставляет возможность совершать сделки по учреждению иностранных трастов, а также становиться их бенефициарами. Учреждение траста попадает под категорию «любой не противоречащей закону сделки», если при этом не нарушаются законодательные положения РФ. А право гражданина стать бене-

фициаром траста является, соответственно, «правом иметь иные имущественные права» [2, с. 39]. Возникает закономерный вопрос: могут ли российские граждане создавать «домашние трасты», которые бы регулировались законодательством РФ, если определение правоспособности, данное в ГК РФ, является достаточно широким? Ведь отсутствие упоминания о каком-либо правом институте само по себе не означает, что он не может существовать в данной стране и противоречит действующему законодательству. Но, как уже отмечалось выше, учреждение «домашних трастов» в России невозможно, поскольку, в соответствии с п. 4 ст. 209 ГК РФ, собственник может передать имущество в доверительное управление, однако это не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему.

Следующий вопрос, который необходимо определить при признании траста в России: какое имущество может быть передано в траст? Переход права собственности регулируется вещным статутом, поэтому сложности в первую очередь возникают с недвижимым имуществом, к которому, в соответствии со ст. 130 ГК РФ, относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. В случае если указанное выше имущество находится на территории РФ, оно не может быть передано в траст [2, с. 41], так как к нему применяется российское право (п. 2 ст. 1213 ГК РФ), которое не знает этого института.

Однако в случае если данное имущество находится за пределами РФ, стороны могут подчинить договор в отношении недвижимости любому праву, а при отсутствии такого соглашения договор будет регулироваться правом страны, с которой он наиболее тесно связан. Что касается передачи в траст движимого имущества, то, согласно ст. 1210 ГК РФ, стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Таким образом, для признания действительности передачи движимого имущества в траст учредитель и трасти должны подчинить договор праву, который признает данный институт.

Принципиальное значение имеет соблюдение норм российского законодательства при учреждении завещательных трастов, так как необходимо соблюсти требования, предъявляе-

мые российским правом, если оно составляет наследственный статут. Согласно ст. 1224 ГК РФ, отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, за исключением наследования недвижимости, которое подчиняется праву *lex rei sitae*. Российское законодательство устанавливает, что распорядиться имуществом на случай смерти можно только путем совершения завещания (ст. 1118 ГК РФ). Если статутом наследования является российское право, то завещательное распоряжение, содержащее условия о трасте, скорее всего, будет признано недействительным, особенно если речь идет о дискреционном трасте, как это происходит, например, в Швейцарии, либо, как в случае с фиксированным трастом, если его отдельные положения могут быть переквалифицированы в знакомый российскому праву институт завещания. Как видно из приведенного выше анализа, возможность признания иностранных трастов в России законодательно предусмотрена, однако такие трасты не должны вступать в конфликт со сверхимперативными нормами и основами публичного порядка. Стоит выразить надежду, что вскоре Россия станет участницей Конвенции о трастах, что поспособствует появлению коллизионных норм, посвященных регулированию данного института.

**Влияние Гаагской конвенции
о праве, применимом к трастам,
и их признании на восприятие трастов
в законодательстве и судебной практике
в странах континентальной системы права**

Первой страной континентальной правовой системы, подписавшей и ратифицировавшей Конвенцию о трастах, была Италия. До ее ратификации в Италии трасты рассматривались как институт, несовместимый с итальянской правовой системой, которая классически рассматривает право собственности как абсолютное и неделимое право (ст. 832 Гражданского кодекса Италии (далее – ГК Италии)¹, за исключением *numerus clausus* прав, сосуществующих наряду с правом собственности. Таким образом, итальянские суды не признавали расщепление права собственности на юридическую и бенефициарную. С принятием Конвенции о трастах институт траста был введен в международное частное право Италии и стал признаваться в итальянской правовой системе в том случае, когда существенные элементы траста связаны с иностранной правовой системой и регулируются правом, выбранным учредителем, при условии,

что такие трасты соответствуют требованиям Конвенции о трастах. Согласно ст. 13, Конвенция о трастах сохраняет за странами-участницами возможность не признавать трасты, если существенные элементы связаны с государством, право которого не знает данного института. В связи с этим в итальянской доктрине не было единства в подходах к толкованию этой статьи. Изначально в литературе высказывалось мнение, что если итальянский гражданин учреждает траст в отношении акций итальянской компании, бенефициарами которого становятся его дети, проживающие в Италии, при этом назначая английского доверительного управляющего и подчиняя траст английскому праву, то такой траст не должен признаваться в Италии [7, р. 655].

В дальнейшем и судебная практика, и доктрина подтвердили, что итальянские трасты, чьи существенные элементы связаны с Италией, признаются в Италии и могут регулироваться иностранным правом [11, р. 16], за исключением тех случаев, когда траст и его правовые эффекты противоречат публичному порядку, траст не соответствует требованиям Конвенции о трастах, целью траста является защита активов от кредиторов или эта цель незаконна. В настоящее время трасты, учреждаемые в Италии, характеризуются не только тем, что они создаются в отношении итальянских активов учредителями – гражданами Италии в интересах бенефициаров – граждан Италии, но и тем, что услуги трастовых управляющих оказывают компании, расположенные в Италии или самостоятельные итальянские трасты. Как видно, за более чем 20-летнюю историю институт траста в Италии получил успешное развитие и больше не является инородной конструкцией в итальянской правовой системе.

Позднее, в 2007 г., Конвенцию о трастах подписала и ратифицировала Швейцария. Внесение соответствующих изменений в Закон о МЧП Швейцарии повлекло за собой признание судами и иными компетентными органами действительности траста как специфического правового института в случае соблюдения требований, установленных Конвенцией о трастах. Как уже было замечено, при присоединении к Конвенции о трастах Швейцария сделала оговорку в отношении требуемой формы траста. В Швейцарии могут быть признаны трасты, созданные как в письменной, так и в устной форме. При рассмотрении дел, связанных с трастами, судам больше не нужно пытаться адаптировать этот институт в существующие в швейцарском праве конструкции. Как и в итальянском подходе к признанию траста, чьи существенные элементы связаны с правопорядком страны, не знающей данного института, траст по швейцарскому пра-

¹ Гражданский кодекс Италии от 16 марта 1942 г.: утв. королев. указом от 16 марта 1942 г. № 262. URL: www.wipro.int (дата обращения: 28.03.2016).

ву все равно подлежит признанию. При этом право, применимое к трасту, будет определяться в соответствии со ст. 7 Конвенции о трастах. Следовательно, несмотря на то, что Конвенция о трастах была призвана регулировать признание иностранных трастов, по сути, она позволила признавать и «внутренние» трасты, применяя к ним иностранное право, которому известен институт траста.

Именно таким образом была полностью решена проблема признания в Швейцарии прижизненных трастов, в частности тех, которые направлены на решение наследственных и иных семейных вопросов. Особенно важно, что была решена проблема записи собственника в земельные реестры, реестры судов и самолетов. После ратификации Конвенции о трастах при передаче имущества трасти, если того требует законодательные нормы о регистрации прав, имя трастового управляющего заносится в соответствующий реестр с пометкой, что данное лицо владеет имуществом в роли трастового управляющего. Что касается признания правовых эффектов завещательных трастов, то, как указывалось выше, важно учитывать, допускает ли такую возможность применимый наследственный статут. Если траст признан действительным в силу того обстоятельства, что право, применимое к наследственным отношениям знакомо с институтом траста, то все равно возможно применение сверхимперативных норм или оговорки о публичном порядке Швейцарии. В результате при причинении ущерба правам наследников по закону на обязательную долю в наследстве переданное в траст имущество может быть пропорционально уменьшено и распределено между такими наследниками (ст. 522 ГК Швейцарии).

Применительно к трастам, учрежденным *inter vivos*, можно утверждать следующее: несмотря на то, что право собственности на имущество переходит к трасти в трастовый фонд и больше не составляет часть наследственной массы, в Швейцарии в силу права, применимого к отношениям по наследованию, возможно истребовать имущество в наследственную массу для защиты прав обязательных наследников. Упомянутая ранее ст. 522 ГК Швейцарии предусматривает специальный иск – *action en reduction*, позволяющий обязательным наследникам, которые не получили установленную законом долю в имуществе, предъявить иск об уменьшении переданного в траст имущества, размер которого превысил долю, находящуюся в свободном распоряжении наследодателя. Иск может быть предъявлен к трасти или бенефициарам, если имело место распределение капитала трастового фонда среди бенефициаров. В то же время правовые эффекты траста могут быть

ограничены и в рамках семейных отношений, в том числе при разделе имущества в бракоразводном процессе.

В недавнем решении Верховного суда Швейцарии от 26 апреля 2012 г. в деле *Rybolovlev v Rybolovleva* суд наложил арест на переданное в траст имущество, учредителем которого являлся супруг, тем самым признавая права супруги на долю имущества, переданного в трастовый фонд. Мотивируя решение, суд сослался на ст. 15 Конвенции о трастах, а также использовал теорию снятия корпоративной вуали. В научной литературе обоснованно отмечалось, что применение ст. 15 Конвенции о трастах, а тем более теории снятия корпоративной вуали в данном случае неприемлемо, так как режим совместной собственности супругов может быть изменен по их соглашению (что исключает возможность применения ст. 15 Конвенции о трастах), а снятие корпоративной вуали относится только к юридическим лицам, коим траст не является [6, р. 750]. Из приведенного примера видно, что применение и толкование тех или иных положений Конвенции о трастах зачастую вызывает неоднозначные оценки, что влечет за собой неопределенность в отношении правовых эффектов траста.

Одной из первых стран, подписавших Конвенцию о трастах, стала Франция, однако данная конвенция до сих пор так и не была ратифицирована, несмотря на достаточно долгую историю развития судебной практики в отношении трастов. Это связано во многом с тем фактом, что во Франции действует классическая теория единства имущества, разработанная Шарлем Обри и Шарлем Ро в начале XIX века. Однако с течением времени законодательно стали формироваться исключения из этого правила, в частности возможность создания отдельного имущества индивидуальным предпринимателем (*Entrepreneur individuel à responsabilité limitée*, Закон от 15 июня 2010 г.). Несколькими годами ранее был также введен институт фидуции (*fiducie*), который во многом схож с трастом, однако имеет свои отличительные черты.

Во-первых, фидуция, согласно ст. 2012 ФГК, устанавливается законом или договором, т. е. фидуция, учрежденная по воле сторон, всегда будет являться договором, траст же договором не является. Во-вторых, фактически имущество, переданное управляющему-фидуциару, не отделено от имущества как фидуциара, так и учредителя фидуции. В частности, абзац 1 ст. 2025 ФГК устанавливает, что кредиторы учредителя фидуции имеют права на имущество, переданное в фидуциарное владение, если их права были нарушены. Эта же статья устанавливает, что в случае недостаточно-

сти фидуциарного имущества имущество учредителя фидуции является общим залогом для всех кредиторов. В этом заключается основное отличие французской фидуции от траста, при котором имущество, переданное в траст, составляет отдельный фонд. На последний не могут претендовать ни личные кредиторы учредителя, ни личные кредиторы трастового управляющего (особенно если речь идет о дискреционном безотзывном трасте), за незначительным исключением (например, если в действиях трасти, ставших причиной образования долгов трастового фонда, была обнаружена вина трасти) [5, pp. 28–33].

Несмотря на подписание Конвенции о трастах и отсутствие ратификации, как было показано выше, французские суды на протяжении долгого времени продолжали ассимилировать траст в договорные конструкции – договор непрямого дарения. Ситуация изменилась со знаменательным решением Кассационного суда Франции № 840 от 13 сентября 2011 г. по делу *Belvédère*¹. В рамках данного дела рассматривался вопрос о признании за трастовым управляющим права декларировать долг в качестве прямого владельца облигаций общества *Belvédère* в пользу держателей этих облигаций. Общество *Belvédère* находилось в рамках процедуры банкротства, проходившей во Франции, и отказывалось признать такое право за трастовым управляющим, в роли которого выступал банк *Bank of New York Mellon*, указывая на то, что банк должен представить документы, подтверждающие мандат на декларирование от каждого держателя облигаций. Кассационный суд применил право Нью-Йорка, в соответствии с которым реализовывались облигации и *Bank of New York Mellon* назначался в качестве трасти, а также признал за трастовым управляющим юридический титул на облигации и, следовательно, право на декларирование долга по ним в рамках процедуры банкротства.

Как отмечается во французской научной литературе, прямое признание траста Кассационным судом Франции стало возможным в результате применения положений Конвенции о трастах заочно, до ее ратификации, но в свете того, что Франция официально подписала Конвенцию о трастах и, следовательно, выразила свое намерение применять предусмотренные в ней положения в отношении трастов [4, p. 93]. В этом же году, однако, до судебного решения по делу *Belvédère* был принят Закон от 29 июля 2011 г., направленный на регулирование нало-

гообложения трастов, имеющих связь с Францией (когда учредитель или бенефициары являются резидентами Франции либо имущество, передаваемое в траст, расположено на ее территории). В частности, к имуществу, передаваемому в трастовый фонд, отныне применим налог в размере до 60 % от стоимости имущества с момента смерти учредителя, независимо от того, остается ли имущество в трастовом фонде или подлежит распределению между бенефициарами.

Таким образом, во Франции признание и применение института траста продолжает развиваться, хотя, безусловно, стоит отметить, что вряд ли судебная практика пойдет по пути ущемления интересов наследников, имеющих право на обязательную долю, применительно как к завещательным, так и прижизненным трастам. Странами континентальной системы права, которые подписали и ратифицировали Конвенцию о трастах, являются также Нидерланды, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Мальта и Сан Марино. В перечисленных странах также существует формальная обязанность признавать траст, созданный в соответствии с требованиями Конвенции о трастах.

Вопрос управления собственностью и ее передачи наследникам всегда являлся актуальным как в теории, так и на практике. В современном обществе, характеризуемом большим разнообразием экономических отношений, возникновением многоуровневых международных связей, не сложно представить ситуацию, при которой институты, предусмотренные одной правовой системой, не совпадают с принятыми в другой, но в то же время используются ее субъектами. Такая ситуация складывается и в отношении англо-американского института траста, который приобретает все большую популярность в странах континентальной правовой системы. Это обусловлено тем обстоятельством, что концепция траста предусматривает расщепление права собственности на юридическую – *legal ownership* и бенефициарную – *equitable ownership*, которые могут принадлежать разным юридическим и физическим лицам. Юридическим правом собственности переданного в траст имущества обладают доверительные управляющие, трасти (*trustee*), которые им распоряжаются только в интересах бенефициарного собственника этого же имущества, обладающего правом принудительно обеспечить соблюдение данных обязательств на основании принципов права справедливости.

Именно благодаря расщеплению права собственности трасты позволяют эффективно защитить активы, так как юридический титул на вещи передается трасти. Помимо этого, в связи с тем, что на трасти возложена юридическая

¹ *Arrêt* № 840 de la Cour de cassation, Chambre commerciale, financière et économique du 13 septembre 2011 (10–25.633; 10–25.731; 10–25.908).

обязанность по управлению собственностью исключительно в интересах бенефициаров траста, в последнее время создание траста становится все более популярным способом передачи активов наследникам. С помощью траста можно передать активы определенным лицам в предусмотренных пропорциях в соответствии с желаниями учредителя траста и лишить других наследников права на имущество. Однако в связи с тем, что многие страны континентальной системы права не предусматривают в своем законодательстве такого юридического института, как траст, возникает закономерный вопрос: будет ли признано учреждение траста и передача имущества в трастовый фонд в государстве с континентальной системой права? Практическое значение данного вопроса состоит в том, что с течением времени огромное количество активов может быть передано в траст, и велика вероятность возникновения как наследственных, так и иных споров, связанных с регулированием семейных имущественных отношений. Настоящая статья позволила проанализировать опыт стран континентальной системы права по решению данного вопроса, который впоследствии может быть использован и в правоприменительной практике России.

Библиографический список

1. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 160 с.
2. Коллини Г. С., Пенцов Д. А. Признание и налогообложение иностранных трастов в России // Закон. 2010. № 10. С. 35–49.
3. Bersheda T. The Law of Trusts in Russia: to Be or not to Be? // Trusts & Trustees. 2010. Vol. 16, № 3. P. 195.
4. Dammann R. L'arrêt Belvédère: ler au box-office 2011 de la Jurisprudence Française // Droit & Patrimoine. 2012. № 213. Pp. 39–44.
5. Forti V. Comparing American Trust and French Fiducie // Columbia Journal of European Law Online. 2010. URL: http://www.cjel.net/online/17_2-forti/ (дата обращения: 28.03.2016).
6. Graham T. The Hague Trusts Convention five years on: the Swiss Federal Supreme Court's decision in Rybolovlev v Rybolovleva // Trusts & Trustees. 2012. Vol. 18, № 8. Pp. 746–755.
7. Paton A. G., Grosso R. The Hague Convention on the Law Applicable to Trusts and on Their Recognition: Implementation in Italy // International and Comparative Law Quarterly. 1994. (In Eng.).
8. Perrin J. Le trust a l'épreuve du droit successoral en Suisse, en France et au Luxembourg. Geneve: Librairie Droz, 2006. 307 p. (In French).
9. Sanchez de Lozada L. Trusts Exprès Privés Anglo-américains, Fidéicommiss Latino-américains et la Fiducie Française: Paris 2, 2012. URL: <https://docassas.u-paris2.fr/nuxeo/site/esupversions/a049623e-2f06-4346-9f0e-4d2187238c7a> (accessed 28.03.2016). (In French).
10. Thévenoz L. Trusts en Suisse: adhésion à la Convention de la Haye sur les trusts et codification de la fiducie. Schulthess, 2001. 190 p. (In French).
11. Ubertazzi B. The Trust in Spanish and Italian Private International Law: Part I. Trusts & Trustees. 2006. Vol. 12. № 10. Pp. 14–19 (In Eng.).

References

1. Sokolova N. V. *Doveritel'naya sobstvennost' (trast) v kontinental'noy Evrope* [Trust in Continental Europe]. Moscow, 2012. 160 p. (In Russ.).
2. Kolleeny G. S., Pencov D. A. *Priznanie i nalogooblozhenie inostrannykh trastov v Rossii* [Recognition and Taxation of Foreign Trusts in Russia]. Zakon – ZAKON. 2010. № 10. Pp. 35–49 (In Russ.).
3. Bersheda T. The Law of Trusts in Russia: to Be or not to Be? // Trusts & Trustees. 2010. Vol. 16. № 3. P. 195. (In Eng.).
4. Dammann R. L'arrêt Belvédère: ler au box-office 2011 de la Jurisprudence Française // Droit & Patrimoine. 2012. № 213. Pp. 39–44. (In French).
5. Forti V. Comparing American Trust and French Fiducie // Columbia Journal of European Law Online. 2010. URL: http://www.cjel.net/online/17_2-forti/ (accessed 28.03.2016). (In Eng.).
6. Graham T. The Hague Trusts Convention five years on: the Swiss Federal Supreme Court's decision in Rybolovlev v Rybolovleva. Trusts & Trustees. 2012. Vol. 18. № 8. Pp. 746–755. (In Eng.).
7. Paton A. G., Grosso R. The Hague Convention on the Law Applicable to Trusts and on Their Recognition: Implementation in Italy. International and Comparative Law Quarterly. 1994. (In Eng.).
8. Perrin J. Le trust a l'épreuve du Droit Successoral en Suisse, en France et au Luxembourg. Geneve: Librairie Droz, 2006. 307 p. (In French).
9. Sanchez de Lozada L. Trusts Exprès Privés Anglo-américains, Fidéicommiss Latino-américains et la Fiducie Française: Paris 2, 2012. URL: <https://docassas.u-paris2.fr/nuxeo/site/esupversions/a049623e-2f06-4346-9f0e-4d2187238c7a> (accessed 28.03.2016). (In French).
10. Thévenoz L. Trusts en Suisse: adhésion à la Convention de la Haye sur les trusts et codification de la fiducie. Schulthess, 2001. 190 p. (In French).
11. Ubertazzi B. The Trust in Spanish and Italian Private International Law: Part I. Trusts & Trustees. 2006. Vol. 12. № 10. Pp. 14–19 (In Eng.).